

УДК 316.454.3

DOI: 10.34670/AR.2021.95.55.006

Концепции толпы в дореволюционной русской военной психологии

Горбатов Дмитрий Сергеевич

Доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной социальной психологии и конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 12 линия В.О., 13-а;
e-mail: gorbатов.rus@gmail.com

Волкова Вероника Вячеславовна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры прикладной социальной психологии и конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 12 линия В.О., 13-а;
e-mail: bercut_team@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке из средств внутреннего гранта СПбГИПСР в рамках проекта «Психология стихийных социальных объединений».

Аннотация

В статье рассматриваются семь концепций стихийных социальных объединений, разработанных в русской военной психологии в дореволюционный период. Авторы одних из них (А.Е. Снесарев, Н.А. Ухач-Огорович) последовательно противопоставляли армию и толпу, другие (А.С. Зыков, Н.Н. Головин, А.С. Резанов) в русле идей коллективной психологии того времени уподобляли армию толпе, приписывая им схожесть свойств, третьи (Д.Д. Безсонов, Г.Е. Шумков) реализовывали индивидуальный подход, описывая как одинаковое влияние на психику бойца экстремальных условий боя и толпы. Отмечается, что историко-психологическая реконструкция основных подходов представителей военно-психологической мысли Российской империи к изучению толпы представляет интерес не только в контексте выявления этапов развития отечественной науки, но и в плане дальнейшего исследования иррациональных аспектов активности стихийных социальных объединений.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбатов Д.С., Волкова В.В. Концепции толпы в дореволюционной русской военной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 4А. С. 59-67. DOI: 10.34670/AR.2021.95.55.006

Ключевые слова

Русская психология, дореволюционная военная психология, концепции массового поведения, армия, толпа, личность в толпе, свойства толпы, вожаки толпы, психика бойца.

Введение

Становление отечественной военно-психологической мысли на рубеже XIX – XX вв. во многом связано с изучением феномена толпы как особого социального образования и специфического психологического состояния. Свою роль в этом сыграли, с одной стороны, получившие чрезвычайное общественное внимание первые теории стихийных объединений, а, с другой, – бурные события российской истории, в которых армия подчас оказывалась последней преградой на пути «пятой стихии».

Авторы рассматриваемых публикаций, большинство которых составили представители военной элиты – выпускники Николаевской академии генерального штаба и Александровской военно-юридической академии – дополнили первые теории толпы существенными соображениями и уточнениями. Одни из них [Снесарев, 2003; Ухач-Огорович, 1911], последовательно противопоставляли концепты «армия» и «толпа», не обнаружив между ними ничего общего. Другие [Зыков, 1898; Головин, 1907; Резанов 1910], разделили позицию коллективных психологов того времени [Лебон, 1896; Сигеле, 1893; Тард, 1893; и др.], согласно которой армия или ее часть вполне может считаться толпой. Уподобляя эти понятия, они нашли набор родственных стихийной группе свойств в самом устройстве военных порядков. Третьи [Безсонов, 1907; Шумков, 1914] напрочь отрицали возможность существования коллективной субъектности, сосредоточившись на идентичных, по их мнению, изменениях индивидуальной психики в условиях боя или толпы.

Целью исследования стала историко-психологическая реконструкция ключевых парадигм представителей военно-психологической мысли Российской империи конца XIX – начала XX вв. к пониманию толпы. В комплекс применяемых методов вошли теоретический анализ, систематизация научных представлений того времени о феномене толпы, историко-функциональный анализ, ориентированный на изучение идей прошлого с учетом логики научного развития в рассматриваемый период, а также историко-генетический анализ, предполагающий рассмотрение научного наследия с учетом социально-исторических условий его формирования.

Парадигма «армия vs толпа» (концепции А.Е. Снесарева и Н.А. Ухач-Огоровича)

Дикие инстинкты, свирепость, полудикость, безмерная деспотичность, подчиненность капризам и страстям, склонность к насилиям и грабежам, неустойчивость настроений, повышенная восприимчивость, своеволие до разнузданности и безумия – вот те черты, которые, по мнению А.Е. Снесарева (1865-1937), отличают бунтующую толпу. Ее вожаки «после определенного момента зачастую не в состоянии бывают совладать с естественной стадностью толпы и рано или поздно могут стать вместо властителей движения покорными его рабами, увлеченными общим потоком и бессильными с разбушевавшейся массой» [Снесарев, 2003, 179]. В период смуты они готовы провоцировать ведомых на агрессию по отношению к войскам, чтобы затем обвинить в убийстве безоружных граждан, вызывая народную ненависть к армии и подрыв доверия к офицерам.

Противопоставление автором толпы и армии было ориентировано на решение трех задач. Во-первых, подчеркнуть значение дисциплины и субординации, без которых войско превратится в скопище вооруженных разбойников. Во-вторых, подтвердить моральное

основание для разгона революционной толпы силой оружия. В-третьих, применение первого из этих понятий как оценочной категории в дискуссиях о характере будущих войн усиливало аргументацию в пользу профессиональной армии при сравнении с мобилизованными массами.

Среди трудов по военной психологии работы Н.А. Ухач-Огоровича (1860-192?) располагаются особняком: научным изысканиям автор предпочел декларации незыблемости духовных скреп и торжества патриотических начал. Для этого имелись личные основания: авантюрный характер и жажда наживы привели к лишению дворянства, чинов, наград и арестантским ротам. Публикации, насыщенные казенной риторикой, были ориентированы на укрепление накануне суда имиджа государственника и воспитателя молодежи.

Из первых теорий стихийных объединений автор заимствовал предельно негативный образ толпы, утверждая, что она «неспособна рассуждать, в высокой степени злобнострастна, весьма изменчива в своих чувствах, безвольна, лишена совести как нравственного регулятора. Характер несимпатичный и зловерный» [Ухач-Огорович, 1911, 18]. В соответствии с предшественниками [Сигеле, 1893; Тард, 1893], но без ссылок на них, офицер писал, что предвзятые идеи и навязчивые мысли заменяют толпе ум, многочисленность придает дерзость и заносчивость, страсти ослепляют, личностные различия нивелируются, экстатическое исступление обуславливает нелепые поступки, а внушаемость и возбужденность делают ее подходящим орудием для своекорыстных или идейных вожаков.

Требуюя ее жесткого подавления, Н.А. Ухач-Огорович утверждал, что воинский строй и толпа настолько противоположны, что опытный командир не допустит в солдатские ряды даже единственного агитатора. Слишком велика вероятность отказа от применения оружия: «авторитет и доверие к начальнику стремительно падают от прикосновения штатской руки» [Ухач-Огорович, 1911, 27].

Парадигма «армия как толпа» (концепции А.С. Зыкова, Н.Н. Головина, А.С. Резанова)

Рассуждая о психическом заражении, бессознательной активности толпы, ее безрассудности и впечатлительности, «обаянии» вожаков и приемах влияния на ведомых, А.С. Зыков (1871-1916) опирался не на востребованные публикации исследователей стихийных объединений, но на обобщения и примеры из работ их предшественников, «ответственных» за совпадение ключевых идей С. Сигеле, Г. Тарда, Г. Лебона и др. [Горбатов, 2019]. С опозданием на несколько лет, он пришел к тем же выводам, что и представители коллективной психологии, действуя независимо от них.

Характеризуя процессы «заражения», автор обозначил два аспекта: непосредственное воздействие на аудиторию и реакцию напряжения собравшихся, которая «достигает взаимной электризацией такой силы, что именно она определяет поступок толпы» [Зыков, 1898, 76]. Исследователь констатировал, что влияние вожака проявляется, если эти процессы не идут вразрез. При этом выраженность психического напряжения зависит от общих черт представителей народа и эпохи, увеличения числа собравшихся и скученности на местности. Даже переминание с ноги на ногу, незаметное в редкой толпе, в более плотной действует раздражающе: чем теснее прижимаются люди, тем полнее передаются эмоции.

Потенциальному вожаку, по А.С. Зыкову, достаточно, заняв видное место, выделиться энергичными жестами, выразительной мимикой, резкими интонациями и бранными словами. Не случайно «ораторы энергичнее влияют на толпу криком и руганью, чем убеждением и

суждением» [Зыков, 1898, 65]. Но мало привлечь внимание. Чтобы удержать его, требуется лезть присутствующим, выражение солидарности, замена логики на заражение эмоциями, применение наглядных образов, отражающих актуальные желания. Проблема в том, что вожак, в принципе, не способен руководить: «толпой сравнительно нетрудно пользоваться как неопределенной слепой силой, как тараном, ударом которого можно воспользоваться, но нельзя направить, ... она быстро вырывается из-под власти оратора. Оратор уподобляется человеку, бросающему искру в пороховой склад. Он может бросить ее или не бросить... Но регулировать и направить его действие не во власти поджигателя... К толпе подделываются, но ею не управляют» [Зыков, 1898, 77].

Н.Н. Головин (1875-1944) описал феномен «человека толпы» или «массового бойца». Согласно его воззрениям, в «психологический момент» или «кризис боя» внешний импульс, поведенческий императив, переходящий от одного очага сражения к другому, на время подавляет индивидуальность, лишая возможности к обдуманым действиям. При этом наблюдается усиление до абсолюта стремления к победе и готовности к самопожертвованию или, напротив, желания избежать опасности, так что солдат «бежит вперед или назад, но непременно бежит» [Головин, 1907, 126].

В толпе и в бою, по его мнению, равно проявляются эмоциональность, импульсивность реакций, неустойчивость воли, легковерие, не критичность мышления, инстинктивность побуждений, повышенная восприимчивость.

Согласно Н.Н. Головину, закономерности коллективной психологии обуславливают т.н. «фактор случайности», способный привести войска как к поражению накануне победы, так и к тому порыву, что позволит победить в безнадежной ситуации. Такая «случайность» поддается контролю. С одной стороны, от офицера требуется «стараться возможно долее удерживать бойца от окончательного превращения в индивида толпы. С другой стороны, единичный человек не способен к такому героизму как индивид толпы; поэтому наступает в бою минута, когда это превращение становится необходимым. Вполне понятно, что желательно возможно ближе подвести к неприятелю более или менее сознающего бойца, с тем, чтобы уже на коротке, выпустить его в массу на противника, как пулю в упор» [Головин, 1907, 142].

В управлении «массовым бойцом» автор во многом ориентировался на гипнотическую модель коммуникации [Лебон, 1896, 253-261]. Так, он полагал, что в бою воздействие на эмоции и воображение эффективнее обращения к разуму, а демонстрация поддержки соратников позволит укрепить чувство непобедимости и мощи. Не менее важно уберечь солдат от напрасного беспокойства, заняв их деятельностью, требующей концентрации внимания. В противном случае легковерие «массового бойца» достигнет масштаба коллективных галлюцинаций. Наконец, следует экономить душевные и физические силы подчиненных, чтобы сохранить способность к предельному напряжению в кратковременный, но важный период «кризиса боя».

А.С. Резанов (1878-?) не испытывал сомнений, что военнотружущие, впадающие в панику, идущие в атаку или поглощенные участием в параде, представляют собой толпу. Он соглашался с коллективными психологами и в том, что полк, дивизия, армия, отличаясь от уличного сборища, тоже являются толпой.

Исследователь подчеркивал, что в любых «толпах» происходят одинаковые процессы: «токи, идущие от вожака к массе – внушение, от одного участника толпы к другому – взаимовнушение, от толпы к вожаку – отраженное внушение, и, сверх того, оказывает известное действие самовнушение» [Резанов, 1910, 68]. По его мнению, внушение всегда передается по

линии наименьшего сопротивления, достигая выраженности в центре (среди окружения вожака или начальника) и ослабевая к периферии. При этом в естественной толпе оно неравномерно: «среди массы собравшихся находятся личности с резко повышенной внушаемостью, почему внушение, идущее от вожака, ...будет передаваться от одного подобного очага внушаемости к другому» [Резанов, 1910, 62]. Многое здесь зависит от воли случая – в ходе распространения содержание внушений искажается, а их энергия непредсказуемо изменяется из-за интерференции влияний.

Другое дело – толпа с преднамеренной постоянной организацией, где роль «токопроводящих» путей выполняет иерархия начальников. Особое значение там принадлежит воинскому строю, способному придать силу, равномерность и устойчивость внушению, исключив его сторонние очаги. Установлением интервалов, запрещением движений и разговоров понижается сила взаимовнушений, а сосредоточением на начальнике уменьшается эффект самовнушений. Строй создает и привычку к бессознательному повиновению. Таким образом, существуя не для красоты парадов, он усиливает то, что обуславливает духовную силу любой армии – степень внушаемости солдат.

Парадигма «индивид в толпе» (концепции Д.Д. Безсонова и Г.Е. Шумкова)

Военный правовед Д.Д. Безсонов (1859 - ?), указывая на противоречивость и предвзятость теорий толпы конца XIX века, выделил несколько методологических ошибок, ставящих под сомнение существование коллективной психологии как «особой науки». Среди них не критичное распространение на толпу в целом поведенческих характеристик конкретных совокупностей людей, игнорирование множественности равнодопустимых интерпретаций при приписывании феномену тех или иных свойств, а также недооценка социальных факторов. С его точки зрения, западноевропейские ученые, сосредоточившись на антропологическом составе, проигнорировали, «что толпа, этот автор жизненной драмы, имеет свой пролог, свою историю образования и постепенного развития, где толпа является только финалом» [Безсонов, 1907, 87].

Для автора не было сомнений, что внушение и подражание имеют место, но не стоит их абсолютизировать и рассуждать о «коллективной душе» и «многоликом существе»: слишком велики различия в поведении членов стихийной группы. Согласно его позиции, в центре внимания должно быть не абстрактное «коллективное Я», а индивиды, находящиеся в особом психическом состоянии вследствие нахождения в толпе.

Сущность такого состояния он видел во внушаемости, которая обусловлена «дизагрегацией сознания», «расщеплением духа», когда «подбодрственное, рефлекторное сознание входит в прямое сообщение с внешним миром» [Сидис, 1902, 91]. Это происходит, по Д.Д. Безсонову, с индивидом в толпе, который сократил поле восприятия до единственного объекта, приобрел однообразие впечатлений, ощутил ограничение свободы движений из-за толкотни и давки, утомился от дискомфорта и монотонии, наконец, вместе со всеми выразил чувства криком, свистом, энергичным жестом.

Различая толпу пассивную и активную, Д.Д. Безсонов полагал, что «общее сознание», о котором говорили первые исследователи стихийных объединений, характерно только для первой. При переходе ее в активную образовавшаяся общность уступает место психическим началам, прежде скрытым в глубинах личности. Индивидуальные различия выработанных

привычек и навыков, стереотипы мышления и отношения к действительности проявляют себя на фоне ослабления социальных норм, характерного при активизации эволюционно примитивного «подборственного» сознания. Таким образом, «индивидуальность каждого резко выступает наружу. Поэтому мы и видим, что в такой толпе одни являются более активными, более энергично действующими, другие – менее. Одни не отступят ни перед какими препятствиями, другие – остановятся перед ними» [Безсонов, 1907, 121].

Заметный вклад в изучение психологических состояний участников боевых действий в последние годы Российской империи внес психиатр и психофизиолог, основоположник военной психологии Г.Е. Шумков (1873-1933). Выражая позицию, позже получившую логическое завершение в формулировке т.н. «групповой ошибки» (group fallacy), тенденции опираться на понятие группы при объяснении персональных реакций [Allport, 1924, 690], Г.Е. Шумков подчеркивал, что пребывание в толпе является условием активизации сходных поведенческих проявлений и личностных свойств, входящих в сферу сугубо индивидуальной психологии.

Не отрицая нивелировки индивидуальных различий, описанной исследователями толпы, он полагал недостаточным указание на внешние возбудители как первопричину кардинальных личностных изменений. Переживание тревоги – вот фактор, который способен стереть черты индивидуализма и подогнать под единый шаблон, превратив личность в представителя массы. В состоянии тревоги Г.Е. Шумков видел тот «психологический цемент, при помощи которого люди даже разных душевных свойств могут объединиться “психологически” с наличием однородных мыслей, чувств и действий» [Шумков, 1914, 94]. Отсутствие этого переживания делает, по его мнению, образование толпы невозможным.

С точки зрения Г.Е. Шумкова, особенности лиц, пребывающих в толпе, обладают неслучайным сходством с военнослужащими с выраженной тревогой в бою. В частности, для тех и других характерна концентрация мыслей на предмете беспокойства, снижение критических способностей, повышение внушаемости, изменчивость настроений и переживаний, крайняя подвижность, нетерпение, стремление к сплочению, готовность подчиняться. В результате, индивидуальность воина на время как бы стирается, и ему не хватает лишь вожака, которым может стать любое лицо, «живо и выпукло выражающее, передающее и угадывающее в данный момент сокровенные интересы и побуждения лиц, находящихся в толпе (общие интересы, мысли, чувства и действия), клонящиеся к удовлетворению потребностей данной минуты» [Шумков, 1914, 92].

Выводы

1. В отечественной военно-психологической мысли конца XIX – начала XX вв представлены три парадигмы изучения стихийных объединений: а) противопоставления армии и толпы, б) уподобления их на основе «родственных» свойств, в) рассмотрения исключительно индивидов в условиях боя и толпы. Парадигма «стадного инстинкта», описывающая феномен в контексте унаследованных внерассудочных побуждений [Горбатов, Большаков, 2017] своего отражения не получила.

2. Противопоставление армии и толпы, осуществленное в работах А.Е. Снесарева и Н.А. Ухач-Огоровича, в сравнении с конкурирующими подходами теоретически оказалось менее плодотворным. Возможно, это связано со стремлением не столько изучать толпу, сколько описывать ее в качестве «законного врага» сословного государства. Парадокс в том, что с

позиций современной социальной психологии признание данных концептов принципиально различными представляется единственно приемлемым.

3. Уподобление армии и толпы в публикациях А.С. Зыкова, Н.Н. Головина и А.С. Резанова, осуществленное в идейном русле коллективной психологии, способствовало уточнению знаний о специфике стихийных объединений и процессах социального влияния в них. Однако развитию этой парадигмы воспрепятствовали ограничения идейно-методологического характера, присущие исследованиям толпы конца XIX века, а также масштабные катаклизмы отечественной истории.

4. Отказ от признания коллективной субъектности в пользу индивидуальной парадигмы не помешал Д.Д. Безсонову и Г.Е. Шумкову сформулировать перспективные с научной точки зрения положения о психофизиологических изменениях в условиях толпы, наблюдаемой динамике эмоциональных состояний и поведенческих проявлений.

5. Обращение к научному потенциалу российской военной психологии дореволюционного периода может рассматриваться в качестве одного из шагов на пути преодоления современных тенденций к избыточному рационализму и индивидуализму [Borch, 2006] при социально-когнитивной интерпретации массового поведения. Нет сомнений в том, что социальные сети и технологии «оранжевых революций» изменили толпу. Однако они не сделали ее исключительно рационально мыслящей, менее импульсивной и неподатливой к сторонним влияниям. Концепции «массового бойца» Н.Н. Головина, поведения индивида в толпе Д.Д. Безсонова, детерминант тревоги Г.Е. Шумкова и другие исследования того времени могут найти свое применение при выявлении психофизиологических предикторов и составляющих социального прайминга активности стихийных объединений. Тем самым будет внесен вклад в совокупность теоретических предпосылок описания иррациональных аспектов поведения толпы.

Библиография

1. Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева / Сост. А.Е. Савинкин. М.: Военный университет, Русский путь, 2003. 896 с.
2. Безсонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. Диссертация. СПб.: типо-литография К.Л. Пентковского, 1907. 480 с.
3. Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб.: экономическая типо-литография, 1907. 192 с.
4. Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Психология толпы: теории стадного инстинкта начала XX века // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 98–106.
5. Горбатов Д.С. Проблемы плагиата и научного приоритета в исследованиях толпы в конце XIX в // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 145–154.
6. Зыков А. Как и чем управляются люди. Опыт военной психологии. СПб.: Общественная польза, 1898. 190 с.
7. Лебон Г. Психология народов и масс: пер. с фр. СПб.: издание Ф. Павленкова, 1896. 329 с.
8. Резанов А.С. Армия и толпа. Опыт военной психологии. Варшава: Варшавская эстетическая типография, 1910. 104 с.
9. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии: пер. с фр. СПб.: типография Ю.Н. Эрлих, 1893. 116 с.
10. Сидис Б. Психология внушения: пер. с англ. СПб.: издание Б.Н. Звонарева, 1902. 376 с.
11. Тард Г. Преступления толпы: пер. с фр. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1893. 44 с.
12. Ухач-Огорович Н.А. Психология толпы и армии. Киев: типография С.В. Кульженко, 1911. 54 с.
13. Шумков Г. Роль чувства тревоги в психологии масс как начала, нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. 1914. № 9. С. 85–94.
14. Allport F.H. The group fallacy in relation to social science // The American Journal of Sociology. 1924. Vol. 29. № 6. P. 688–706. DOI: 10.1086/213647.
15. Borch C. The exclusion of the crowd: The destiny of a sociological figure of the irrational // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9. № 1. P. 83–102.

The concepts of the crowd in pre-revolutionary Russian military psychology

Dmitrii S. Gorbatov

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Professor of the Department of applied social psychology and conflictology,
Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
199178, 13-a, 12 line V.O., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gorbatov.rus@gmail.com

Veronika V. Volkova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of applied social psychology and conflictology,
Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
199178, 13-a, 12 line V.O., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: bercut_team@mail.ru

Abstract

The article considers seven concepts of spontaneous social associations developed in Russian military psychology in the pre-revolutionary period. The authors of some of them (A. E. Snesarev, N. A. Ukhach-Ogorovich) consistently opposed the army and the crowd, others (A. S. Zykov, N. N. Golovin, A. S. Rezanov), in line with the ideas of collective psychology of that time, likened the army to the crowd, attributing similarity of properties to them, others (D. D. Bezsonov, G. E. Shumkov) implemented an individual approach, describing as the same influence on the psyche of a fighter of extreme conditions of the combat and the crowd. It is noted that the historical and psychological reconstruction of the main approaches of representatives of the military-psychological thought of the Russian Empire to the study of the crowd is of interest not only in the context of identifying the stages of development of Russian science, but also for further research of irrational aspects of the activity of spontaneous social associations.

For citation

Gorbatov D.S., Volkova V.V. (2021) *Koncepcii tolpy v dorevoljucionnoj rossijskoj voennoj psihologii* [Concepts of the crowd in pre-revolutionary Russian military psychology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 10 (4A), pp. 59-67. DOI: 10.34670/AR.2021.95.55.006

Keywords

Russian psychology, pre-revolutionary military psychology, concepts of mass behavior, army, crowd, personality in the crowd, properties of the crowd, leaders of the crowd, the psyche of a fighter.

References

1. Ed. Savinkin A.E. (2003) *Afganskije uroki: vyvody dlya budushchego v svete ideinogo naslediya A.E. Snesareva* [Afghan lessons: Conclusions for the future in the light of A. E. Snesarev's ideological legacy]. Moscow: Publ. Voennyi universitet, Russkii put'.

2. Bezsonov D.D. (1907) *Massovye prestupleniya v obshchem i voenno-ugolovnom prave*. Dissertatsiya [Mass crimes in general and military criminal law. Thesis]. Saint Petersburg: tipo-litografiya K.L. Pentkovskogo.
3. Golovin N.N. (1907) *Issledovanie boya. Issledovanie deyatelnosti i svoystv cheloveka kak boitsa* [A study of the battle. Research of human activity and properties as a fighter]. Saint Petersburg: Ehkonomicheskaya tipo-litografiya.
4. Gorbatov D.S., Bol'shakov S.N. (2017) *Psikhologiya tolpy: teorii stadnogo instinkta nachala XX veka* [The psychology of the crowd: The theory of the herd instinct of the early 20 century]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1, pp. 98–106.
5. Gorbatov D.S. (2019) *Problemy plagiata i nauchnogo prioriteta v issledovaniyah tolpy v konce XIX v* [Problems of plagiarism and scientific priority in crowd research at the end of the 19 century]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 3, pp. 145–154.
6. Zykov A. (1898) *Kak i chem upravlyayutsya lyudi. Opyt voennoi psikhologii* [How and what people are controlled. The experience of military psychology]. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
7. Le Bon G. (1896) *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of nations and masses]. Saint Petersburg: F. Pavlenkov Publ.
8. Rezanov A.S. (1910) *Armiya i tolpa. Opyt voennoi psikhologii* [The army and the crowd. Experience in military psychology]. Warsaw: Varshavskaya ehsteticheskaya tipografiya.
9. Sighele S. (1893) *Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii* [The criminal crowd. The experience of collective psychology]. Saint Petersburg: Yu.N. Ehrlich Publ.
10. Sidis B. (1902) *Psikhologiya vnusheniya* [The psychology of suggestion]. Saint Petersburg: B.N. Zvonarev Publ.
11. Tarde G. (1893) *Prestupleniya tolpy* [Crimes of the crowd]. Kazan': Imperial University Publ.
12. Ukhach-Ogorovich N.A. (1911) *Psikhologiya tolpy i armii* [Psychology of the crowd and the army]. Kiev: S.V. Kul'zhenko Publ.
13. Shumkov G. (1914) *Rol' chuvstva trevogi v psikhologii mass kak nachala, niveliruyushchego individual'nosti* [The role of anxiety in the psychology of the masses as the beginning, leveling individuality]. *Voennyi sbornik* [Military collection], 9, pp. 85–94.
14. Allport F.H. (1924) *The group fallacy in relation to social science*. *The American Journal of Sociology*, 6, pp. 688–706.
15. Borch C. (2006) *The exclusion of the crowd: The destiny of a sociological figure of the irrational*. *European Journal of Social Theory*, 1, pp. 83–102.